

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Композитор Владимир ДАШКЕВИЧ:

«Соединить бы звенья оборванной цепи»

С его музыкой знакомы миллионы, с именем — сотни, ну тысячи людей. Такова уж судьба многих современных композиторов. Филармония, авторские вечера собирают не так много слушателей. Что касается театра, кино, то зритель редко задумывается — чьи сочинения звучат на экране, сцене: хорошая музыка, и ладно. А Дашкевич написал ее более чем к восьмидесяти фильмам. Среди них — «Бумбараш»,

«Слуга», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Зимняя вишня». Много он работает и в театре: мхатовская «Кабала святош», «Женитьба» в Театре на Малой Бронной, «Провинциальные анекдоты» в «Современнике», опера «Клоп» — музыка к этим постановкам тоже написана Дашкевичем. И никаких наград, званий. Если не считать, что в 1985 году его признали лучшим кинокомпозитором года.

— Владимир Сергеевич, сегодня даже не слишком зрелищный человек назовут с десятком имен художников, писателей, актеров. Но стоит заговорить о композиторах — и сразу же заминка. В лучшем случае припомянут фамилии двести. Не обидно?

— Еще как. Но ситуация серьезнее — даже фамилии моих именитых коллег не ассоциируются у публики с какой-то конкретной музыкой. Сомневаюсь, что те, кто, к примеру, назвал бы Шнитке или Денисова, смогли что-либо сказать об их сочинениях. Это-то и досадно. Надо знать не имена — музыку. Тогда можно уверенно сказать — она сработала, стала чем-то пережитым, близким.

— Но легко запоминаются, наверное, простенькие вещи. Крупное, сложное произведение, скажем, симфонию на лету, что называется, не схватить, не напоешь...

— Напрасно так думаете. А «Танец с саблями», а музыка к драме «Маскарад» симфониста Хачатуряна? Это ведь настоящие шлягеры! Стоит только заговорить о них — и музыка уже звучит в вашей памяти. В детстве, к примеру, мы за просто подхватывали темы из кинофильма «Александр Невский», музыку к которому написал Прокофьев, из Седьмой симфонии Шостаковича. Все это моментально западало в душу, не требуя от нас ни знания каких-то особых законов, ни разделения на посвященных и непосвященных.

Теперь же у элитарных композиторов мы просто не найдем такой вещи, которую знали бы и подхватили все. Не спорю, слушатели могут окантоваться под сильными впечатлениями их замысла, профессионального мастерства. Но ведь непосредственное оружие музыкального воздействия — это запоминание. Такое же легкое и ненавязчивое, как «Лунной сонаты» Бетховена, Соль минорной симфонии Моцарта.

— Не потому ли люди охотно идут на концерты Леонтьева, «Машины времени», но стоит им только услышать первые звуки какой-нибудь симфонической пьесы и — рывок уже тянется к выключателю радио, телевизора?

— Во все времена главной задачей мастера было установить контакт с аудиторией. Человек должен знать, что это написано для него и про него. Если он этого не чувствует — имеет полное право быть равнодушным к сочинению, таким бы замечательным оно ни было. И здесь я категорически не согласен с позицией нашего творческого союза, да и со

многими композиторами, которые считают — если народ их не понимает, он сам и виноват. При этом они очень любят ссылаться на Баха — мол, его музыке тоже сто лет не принимали. Это правда. Но забывают, великий композитор сочинил не только величественные фуги и «Страсти по Матфею», но и невероятное количество самых изысканных и новомодных для той поры танцев.

А ведь можно было предположить, что музыкант сидел в башне из слоновой кости и говорил: «Вы все мне не нужны, не буду я писать ваши супермодные сюиты — лучше буду думать о вечном!» Нет, он очень хотел быть понятым своими слушателями.

— Но, по-моему, многих симфонистов не интересует, что думают об их музыке. Напротив, они гордятся тем, что принадлежат к особому миру искусства, доступного далеко не всем, что никогда не писали музыку по заказу, на потребу толпы...

— Это не совсем так. Ни один композитор не может сказать, что он не пишет по заказу — это общая форма существования нашего брата и у нас в стране, и за рубежом. Тут дело в другом. Существуют государственный заказ и социальный. Госзаказ дается Министерством культуры в основном на сочинение произведений, которые Войнович метко определял как восхождение начальства в доступных ему формах. В этих играх действительно многие из них участия не принимали.

Иное дело — заказ социальный. Он продиктован временем, обществом, его проблемами. И не участвовать в нем, относиться к нему как к чуждому вульгарному, преходящему считаю крупной ошибкой. Ведь теряется тот самый контакт со слушателем. Сейчас самые талантливые это стали понимать. Так, например, Шедрин недавно поставил с японцами мюзикла. Это не что иное, как попытка компенсировать пробел в работе в сопутствующих жанрах.

— То есть вы хотите сказать, что современная музыка превратилась в своеобразные ножницы с расходящимися лезвиями? Одни сочиняют вещи типа «На недельку в Комарово», другие — замысловатые симфонии, малоопытные рядовому слушателю?

— Сравнение очень верное. Композиторы разделились на два четко выраженных направления — эстрадных и симфонистов. Первые в погоне за успехом полностью утратили музыкальную технику, вторые — свысока относятся к со-

временным и бытовым темам.

Где выход? На мой взгляд, в третьем направлении. Со своими друзьями-композиторами — Гладковым, Журбиным, Минковым, Артемьевым и другими — мы решили свести лезвия «ножниц» и объединить классические традиции второго направления с демократизмом первого. Это очень важно, потому что современная симфоническая музыка потеряла интонационный контакт со слушателем. Вроде бы технически все исполнено с блеском, а вот обратной связи с аудиторией нет... В чем тут загвоздка? Одна из причин — утеряна связь музыки с великой поэзией. Наши предшественники — Глинка, Чайковский, Мусоргский — писали свои сочинения на стихи Пушкина, Тютчева, Некрасова. И эта поэзия задавала ту тональность, которая не могла оставить равнодушными слушателей.

А что в двадцатом веке? Что мы получили от великого наследия Блока, Ахматовой, Есенина, Мандельштама? Да ничего, если не считать таких поделок, как «Ленинград» Пугачевой, где половина слов переврали, а страшная трагедия человека накануне ареста превращена в дешевенький вальс...

— Владимир Сергеевич, вы в основном известны по своим работам в кино. Но я знаю, вы пишете и симфонические произведения — виолончельные, скрипичные концерты. Как угадаете сочетать и то, и другое?

— Отвечу словами Анны Ахматовой «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Иными словами, высокое искусство рождается не на пустом месте — его питают самые обычные, понятные для всех человеческие радости, переживания. Так и идеи симфонических произведений сплошь и рядом вырастали из кино. Скажем, недавно я написал «Реквием» на слова Ахматовой. Задуман он для певицы Елены Камбуровой, хора и оркестра. Так вот, в нем есть темы, вышедшие, например, из фильмов «Плюмбум» и «Собачье сердце»...

— И последний вопрос. Разговор у нас шел о сегодняшнем дне нашей музыки. А какой вы ее представляете завтра?

— Можно только фантазировать. Но уверен, пока она не пропустит через себя всю трагедию последних десятилетий нашей жизни, великую репрессированную поэзию XX века — дальше не пойдем. Как говорил Гамлет, надо соединить звенья оборванной временем цепи.

Беседу вел
И. БАРАНОВСКИЙ.